

Свадьбу сыграли быстро. По случаю их помолвки новорожденному городу дали имя Цзиньси — в честь их имен и как залог будущего процветания и блеска.

В день бракосочетания в городе зародилась новая традиция. Свадебный кортеж шел по воде, минуя сотни ручьев, чтобы на мосту Линьси влюбленные поклонились Небу и Земле, а завершилось всё пиршеством «церемонии плывущих чаш» для тысячи семей.

В небе вновь расцвели огненные цветы, рассыпаясь мириадами искр. Линь И на мгновение показалось, что он вернулся в тот день, когда женился Лу Чжань. Но сейчас его внимание привлек не столько кортеж на мосту, сколько плывущие по ручью лотосы. Окруженные магическим сиянием лепестки бережно хранили крошечные порции изысканных яств.

«Так вот о каком „угощении для каждого“ говорили горожане», — догадался Линь И.

Жаль только, что в прошлый раз всё закончилось фарсом, омрачив радость стольких людей.

Линь И думал, что видение скоро развеется, но в мгновение ока он оказался в покоях, залитых алым цветом празднества. Тени от свечей плясали на стенах, в комнате стоял теплый аромат воска. У края постели, выпрямив спину, сидела невеста. Лицо её скрывала расшитая парчовая вуаль, как у простых смертных дев. Шитье было тонким, причудливым, но при ближайшем рассмотрении — не слишком искусным.

Цзинь Мэй вышивала её сама, вложив в каждый стежок свою любовь.

Лэн Бэйси, облаченный в темно-красное одеяние, казался в этом мягком свете иным. Огонь свечей смягчил его суровые черты, наполнив взгляд нехарактерной для него нежностью. Он осторожно приподнял край вуали.

Золотые шпильки в волосах, яркий румянец — она была ослепительна. Хотя он уже открывал её лицо на мосту Линьси, сейчас, наедине, всё ощущалось иначе.

Цзинь Мэй, кокетливо прикрывшись рукавом, тихо рассмеялась:

— Муж мой, скажи... я красива?

Она была прекрасна, но её манера... для Цзинь Мэй это было слишком притворно. Лэн Бэйси на миг замер, словно боясь разрушить атмосферу, а затем выдохнул:

— Красива. Краше любой небожительницы.

Договорив, он не выдержал и сам рассмеялся — глубоким, низким смехом.

Цзинь Мэй тут же сбросила маску кротости. Она никогда не видела его таким, и это её задело.

— Ты чего смеешься? Что во мне смешного?! — вспыхнула она.

— Нет, нет, — Бэйси попытался сдержаться, но радость, переполнявшая его, всё равно сияла в глазах. Он медленно коснулся ладонями её щек, ощущая кожу так трепетно, словно перед ним была величайшая драгоценность.

Их взгляды встретились. В его зрачках отражалось лишь лицо Цзинь Мэй. Казалось, он готов был растаять в этом мгновении. Всю нежность, накопленную за долгую жизнь, он вложил в эти слова:

— Я... я никогда еще не был так счастлив.

Он запечатлел на её лбу легкий, невесомый поцелуй. Это была единственная девушка, которую он любил.

— Спасибо тебе, Цзинь Мэй.

На этот раз она покраснела по-настоящему. От искренности Лэн Бэйси ей стало не по себе, она не знала, куда деть взгляд, и лишь пробормотала:

— За... за что спасибо?

— Ты спрашивала меня, что такое любовь.

Свечи погасли. В наступившей темноте, за пологом опустившегося балдахина, Линь И услышал его тихий голос:

— Это когда чувство достигает самой глубины, и любовь становится непреодолимой.

«Когда чувство достигает глубин, любовь становится непреодолимой».

Линь И не понимал этого. Наверное, потому, что ему еще не встречался человек, способный пробудить в нем подобное. А может, и не встретится никогда — ведь сам он был одновременно и слишком жадным, и слишком трусливым.

Почти половина горожан со временем перебралась в новый Цзиньси. В старом поселении осталось лишь около сотни дворов, не пожелавших покинуть родные места, но это ни на что не

влияло.

Для Лэн Бэйси и Цзинь Мэй медовый месяц затянулся на годы. Город процветал, и всё шло своим чередом. Лишь одно омрачало их счастье: у них не было детей. Не потому, что они не могли их иметь — супруги решили дождаться, когда Цзинь Мэй вернется с горы Лунмэнь после трансформации. И вот однажды она отправилась в путь, плывя по рекам от самого моста Линьси к Драконьим Вратам.

Людам — свой путь, демонам — свой. Лэн Бэйси не мог последовать за ней.

К несчастью...

Это расставание затянулось. Бэйси прождал десять лет, но Цзинь Мэй словно растворилась в воздухе. О ней не было ни слуху, ни духу.

Спустя десять лет демонические заклинатели вновь подняли голову. Они напали на старый город, намереваясь превратить его в свои владения. Лэн Бэйси, Лу Чжань и другие заклинатели, привыкшие к долгому миру, оказались не готовы к столь яростному натиску.

Как враг сумел набраться такой наглости всего за десять лет?

Ходили слухи, что им удалось подчинить себе демонического дракона. Драконы всегда считались божественными существами, символами чистоты. Откуда же взялась эта скверна?

Линь И тяжело вздохнул. Он уже догадывался о правде. Демонические заклинатели в своих методах не брезговали ничем, а исчезновение Цзинь Мэй десять лет назад...

Трагедия была predetermined еще в тот день, когда она не вернулась с горы Лунмэнь.

Все эти годы Лэн Бэйси отказывался верить в её смерть. Что бы ни говорили люди, он не слушал. Он искал её повсюду, по всему свету.

В небе над полем битвы клубились черные тучи. Демонический дракон парил в вышине, воплощая собой саму смерть. Демоны ликовали. Чешуя дракона, скрытого в тумане, отливала золотом и пурпуром — странное, пугающее сочетание красоты и уродства. От одного взгляда на это создание у обычных людей и даже у многих заклинателей подгибались колени.

Лу Чжань и Лэн Бэйси вели своих учеников в бой. Сяо Бецзюнь прибыл позже остальных. А вместе с ним — Тяньвай-чжэньжэнь, который с безучастным видом наблюдал за происходящим, словно не собираясь вмешиваться, пока все не погибнут. Бецзюнь привел его сюда лишь благодаря старым связям, которые с натяжкой можно было назвать братскими.

Лэн Бэйси не отрывал взгляда от чудовищного ящера в небе. У дракона не хватало одного рога, и его мощь не могла сравниться с истинным божеством. Он смотрел с такой болью, которую никто не мог постичь.

Он прошептал, словно обращаясь к самому себе:

— Цзинь Мэй мертва.

Когда все твердили, что она погибла, он кричал, что она жива. Теперь, когда перед ним было живое существо, он твердил, что она мертва.

Битва была кровавой. Земля покрылась телами. Те, кто не захотел покидать старый город, гибли на порогах своих домов. Это была их родина, их земля, и даже в самых слабых сердцах жило упрямое, почти слепое нежелание уступить. Пусть они умрут, но их кровь оросит эту почву, превратившись в дух, что будет хранить их последнюю твердыню.

Тяньвай-чжэньжэнь взирал на это с холодом. Он не обнажил меча.

— Они того не стоят, — обронил он.

Линь И был иного мнения. Он не понимал такой отстраненности, в его душе рождалось глубокое уважение. Несгибаемая воля защищать свою жизнь ценой всего... если человек готов пойти на это, значит, оно того стоит.

Он взглянул на Сюаньюань Куня, которого крепко держал за руку. Сейчас этот мальчик был его единственной привязанностью — быть может, не самой глубокой, но единственной.

Выражение лица Куня почти полностью повторяло маску Тяньвай-чжэньжэня. Словно он видел подобное тысячи раз. Ни скорби, ни жалости.

— Учитель, — внезапно обратился он к Линь И. — Если я умру, ты будешь горевать?

Сердце Линь И пропустило удар. Он не знал ответа. Будет ли он горевать? Он и сам не ведал.

— Я не позволю тебе умереть, — только и сказал он.

Сюаньюань Кунь промолчал. Он смотрел на равнодушный силуэт в небе и понимал: тот призрачный образ Тяньвай-чжэньжэня — существо, лишённое чувств. Линь И — это он, но он — не Линь И.

Внизу кипело яростное сражение. В гуще схватки Линь И заметил Ци Наньпина, который

бился с Лу Чжанем.

Лу Чжань почти кричал от ярости:

— Этот дракон... он был моим другом! И ты об этом знал!

— Я же говорил тебе, не я его сотворил! — в голосе Ци Наньпина было больше отчаяния, чем гнева. — Лу Чжань, почему ты мне не веришь?!

Среди шума битвы Линь И не мог расслышать их слов. Тем временем дракон в небесах каждый час обрушивал на землю молнии. Мощь их была сокрушительна; половина павших погибла именно от небесного огня, не в силах выставить защиту.

Воздух пропитался тошнотворным запахом крови и гари.

Лэн Бэйси замер среди груды тел. Весь в крови — чужой, вражеской или своих же учеников — уже не разобрать. Его лицо, иссушенное горем и ветрами походов, казалось каменным.

Он достал из-за пазухи горсть пилюль Взрывной Сущности и, глотая кровавые слезы, принял их все разом. Окутанный ледяной аурой, в черных одеждах, он медленно пошел по лужам крови, волоча за собой длинный меч. И раз за разом повторял, как молитву:

— Цзинь Мэй мертва.

— Цзинь Мэй мертва.

— Цзинь Мэй мертва...

Наверное, Лэн Бэйси плакал впервые в жизни. И в последний раз. Его кровь и слезы должны были иссякнуть сегодня.

Когда он взмыл в небо, прорываясь сквозь тучи прямо к дракону, он всё же не выдержал. Из его груди вырвался крик, в который он вложил остатки жизни:

— Цзинь Мэй!

Чудовищный ящер действительно повернул к нему голову...

— Не смотри на меня... я такая уродливая... прошу тебя, не смотри...

Это был голос Цзинь Мэй.

Лэн Бэйси рыдал, но его меч не должен был дрогнуть. И он не дрогнул.

Он говорил: «Цзинь Мэй мертва». Но умерла не она. Умер тот Лэн Бэйси, который любил её больше жизни.

В этом мире было слишком много вещей, которыми он дорожил сильнее, чем собой.

Любовь...

Когда чувство достигает глубин, она становится неодолимой.

И он использовал свой меч, чтобы собственноручно оборвать жизнь той, кто была ему дороже всего. Таков был его выбор!

Сяо Бецзюнь не успел его остановить. Он не был мечником. Но пока дракон в оцепенении смотрел на Бэйси, меч Лу Чжаня оказался быстрее. Одним молниеносным ударом он поразил смертельную точку.

Действуя с пугающей четкостью, Лу Чжань вскрыл челюсть зверя и вырвал золотисто-пурпурную жемчужину дракона.

— Нет!..

Лэн Бэйси, чье тело и разум пылали от принятых пилюль, ощутил боль, превосходящую любые муки. С покрасневшими глазами и вздувшимися на лице жилами он обрушил меч Лазурной Пустоты на Лу Чжаня. Тот едва успел выставить блок.

Лу Чжань сплюнул кровь и крикнул Сяо Бецзюню, который застыл в оцепенении:

— Брат Лэн сошел с ума! Спасайте его, скорее!

Бецзюнь и сам был на грани безумия, он не слышал слов друга. Разбушевавшегося Лэн Бэйси усмирил лишь Тяньвай-чжэньжэнь, насильно погрузив его в беспамятство своим заклятием.

Лу Чжань, пошатываясь, подошел к нему. Сжимая в руке окровавленную внутреннюю пилюлю дракона, он обратился к бессмертному:

— Чжэньжэнь... есть ли способ спасти её?

Тяньвай-чжэньжэнь стоял посреди бойни. Его белые одежды сияли чистотой, на них не было ни пятнышка крови. Он казался существом из иного мира.

— Есть, — ответил он холодно.

— Но я никогда не делаю ничего просто так, — его лицо осталось бесстрастным. — Что ты предложишь мне взамен?

На этом видение оборвалось. Линь И и Сюаньюань Кунь вновь оказались на мосту Линьси. Теперь он окончательно понял, почему Лу Чжань решил втянуть его в свои интриги.

Прошлое этого тела не было чистым листом.

И, судя по тому, что он только что увидел, симпатию прежний владелец вызывал редко. Типичный заносчивый небожитель.

Линь И посмотрел на Сюаньюань Куня. Мальчик вновь стал похож на того бездушного ребенка, каким был при их первой встрече. Видимо, образ истинного Тяньвай-чжэньжэня произвел на него слишком сильное впечатление. Линь И всерьез опасался, что его авторитет в глазах ученика рухнул окончательно.

Он поспешил позвать его:

— Спасать тебя — это не «лишнее дело». И я никогда не потребую от тебя ничего взамен.

<http://bllate.org/book/17554/1712901>